

Елена Арсеньева

Толстая Нан (Императрица Анна Иоанновна)

*Часть сборника
Царица любит не шутя
(сборник)*

Царица любит не шутя

Елена Арсеньева

**Толстая Нан (Императрица
Анна Иоанновна)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Толстая Нан (Императрица Анна Иоанновна) / Е. А. Арсеньева —
«Автор», — (Царица любит не шутя)

ISBN 5-699-07728-6

«Сорока села на березовую ветку и с любопытством завертела маленькой головкой. Анна Иоанновна затаила дыхание. Черно-белые, совершенно как березовая кора, сорочки перья на солнце отливали изумрудной зеленью. Молодая, гладкая, необычайно красивая сорока! А уж стрекотала она так, что в ушах звенело. Ох и сплетница!..»

ISBN 5-699-07728-6

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

12

Елена Арсеньева

Толстая Нан

(Императрица Анна Иоанновна)

Сорока села на березовую ветку и с любопытством завертела маленькой головкой.

Анна Иоанновна затаила дыхание. Черно-белые, совершенно как березовая кора, сорокчи перья на солнце отливали изумрудной зеленью. Молодая, гладкая, необычайно красивая сорока! А уж стрекотала она так, что в ушах звенело. Ох и сплетница!

Анна Иоанновна рывком поднялась с кресла и на цыпочках двинулась к окну. Шаг, другой... Скрипнула паркетина под ее увесистой поступью, и придремнувшая было в кресле любимая подруга и статс-дама Анна Федоровна Юшкова вскинулась, ошалело захлопала глазами:

– Ты куда, матушка? Куда?

– На кудыкину гору! – буркнула императрица и, не оборачиваясь, погрозила статс-даме Юшковой кулаком.

Фрейлины Маргарита Монахина и Аграфена Щербатова оказались сообразительней. Повыше подобрав пышные, золотом шитые юбки над голыми ногами, сунутыми в парчовые туфельки (кое-где, правда, уже порванные, но так ведь это дело житейское, парча протирается быстро, туфелек не напасешься, сама императрица предпочитает в

своих палатах в кожаных чувяках хаживать), они на цыпочках ринулись к окошку, стараясь ступать как можно тише, чтобы, не дай Бог, не спугнуть птицу. Маргарита ловко, бесшумно приотворила фортку, Аграфена же схватила стоявшее в углу подле окошка заряженное ружье и подала государыне.

Анна Иоанновна легко вскинула изукрашенный позолотою приклад к плечу и – ба-бах! – кажется, даже не целясь, спустила серебряный курок. Птичка кувыркнулась с ветки в глубокий сугроб, наметенный под березою.

Фрейлины во главе с окончательно проснувшейся статс-дамою бурно заплескали в ладоши. Анна Иоанновна довольно кивнула, словно сама себя похвалила, и, не глядя, сунула Аграфене ружье с еще дымящимся стволом. Та, сморщившись от едкого духа, поставила ружье в угол.

Из соседней комнаты уже спешил с пороховницею и шомполом лакей, нарочно назначенный, чтобы чистить и заряжать императрицыны ружья. Возле каждого окошка стояло по такому ружью, потому что Анна Иоанновна страстно любила стрельбу, и никакая случайно замеченная птаха, оказавшаяся, на беду свою, в поле ее зрения, не могла ускользнуть от меткого выстрела. А птах в парки ее дворцов завезли великое множество, от снегирей, коноплянок и голубей до канареек, и они там прижились, свили гнезда... Глупенькие птички ведь не знали, что императрица стреляет без промаха – даже нарочно устроила у себя тир, где ежедневно бьет по целям, – не то за версту облетали бы все Аннины дворцы!

Между тем в окошко было видно: молодой гвардеец, нарочно, как и лакей, приставленный быть начеку и подбирать случайные государынины трофеи, выскочил из боковой уличной дверки и неровно замаршировал по парку, то и дело оскальзываясь гладкими подошвами парадных сапог. Сорочий хвостик жалко торчал из сугроба под березою. Гвардеец схватил птицу, отсалютовал окнам, зная, что за одним из них стоит императрица, и пустился в обратный путь, однако поскользнулся и упал, нелепо задрав длинные ноги в сверкающих сапогах, назначенных для бесшумного шествования по парадным залам, но отнюдь не для торенья троп в снегу. Грохнулся он, видать, тяжело, потому что невольно испустил при этом пронзительный крик, услышанный и в палатах.

– Экая, прости Господи, квашня! – пробормотала Анна Юшкова.

Монахина и Щербатова хихикнули, но тотчас же осеклись, взглянув на внезапно помрачневшее лицо императрицы. Ходили слухи, что еще в детстве шут ее матери, царицы Прасковьи Федоровны, при виде такой вот резко нахмурившейся Анны не шутя пугался и вопил:

– Берегитесь! Берегитесь! Вот идет царь Иван Васильевич! – разумея при этом, само собой, не кого иного, как Грозного.

Да уж, подобно сему великому государю, Анна Иоанновна была нравом крутенька и на расправу быстра. Царь Иван Васыке Шибанову, слуге предателя Андриюшки Курбского, ногу осном¹ насквозь проколол, к земле пригвоздив, ну а императрица не далее как неделю назад приказала вздернуть перед окнами дворца повара, который положил в ее кушанье прогорклое масло. Что же ждет гвардейца-увальня за его неловкость? Не иначе велит государыня руки-ноги ему обрубить! Фрейлины поглядели на сурово сведенные брови Анны Иоанновны – и даже зажмурились от страха...

Да, императрица была разгневана. Однако лишь потому, что неловкость бедолаги-солдата вдруг вызвала воспоминание, которое она считала давно уж похороненным в глубинах памяти. Неприятнейшее и даже отчасти постыдное воспоминание о тех временах, когда она звалась герцогиней Курляндской, жила в унылой, Богом позабытой Митаве и была по уши, по самые их кончики, нет, куда сильней – с головкой, ручками и ножками влюблена в графа Морица Саксонского.

Ах, Мориц, Мориц... Ах, Мориц! Самый блестящий, легкомысленный и обворожительный из всех виденных Анной мужчин! А между прочим, не так уж мало она их видела.

Конечно, с супругом ей не повезло жутко. Анне едва исполнилось семнадцать, когда ее обвенчали с таким же юным несмышленишкой, герцогом Курляндским Фридрихом-Вильгельмом. Было это в октябре 1710 года. Для сего брака весьма постарался дядюшка Анны, государь Петр Алексеевич. Польское владение, Курляндия, служило театром военных действий между Россией и Швецией, так что русскому царю было весьма сподручно вступить в союз с этим крохотным и незначительным государством. От радости, что дело сладилось, Петр подарил жениху четыреста кавалеристов, а всесильный Меншиков, который ни в чем не желал отставать от «мин херца Питера», презентовал пятьсот телохранителей, редкостный сапфир и турецкого жеребца могучих статей и несказанной красоты.

Сладиться-то дело сладилось, но, как водится исстари, за великие замыслы царей и императоров расплачиваются мелкой разменной монетой, которой во всякой державе с избытком: девками-невестами. Однако не курам ли на смех: дочку брата российского государя отдать за какого-то там... Всех и достоинств, что титул да имя – герцог числился прямым потомком последнего магистра ордена Ливонского, Кеттлера.

Жребий старшей сестры Екатерины, к которой сватался герцог Мекленбургский Карл-Леопольд, начал казаться Анне завидным. Карл-Леопольд даром что грубиян, каких поискать, и скупец отъявленный, любой жид перед ним кажется мотом и транжирую, а все же он мужчина в полном цвете и силе. Екатерина даже побаивалась слухов, ходящих о его любвеобильности. Это казалось Анне порядочной дурью. Небось муж для того жене и даден, чтоб с ним в постели кувыраться, и слаще этого занятия ни Богом, ни людьми до сих пор не придумано! С неоперившимся же курляндским петушком не больно-то накувыркаешься. Небось все время станешь беспокоиться, как бы не придавить его своей тяжестью (Бог не обидел Анну ни ростом, ни телесным изобилием), не *заспать*, подобно тому как нерадивые мамки *засыпают* малых детушек! Ох, чуяло Аннино сердце, не изведать ей супружеского счастья! Не ободряло даже то, что постель новобрачных стояла в опочивальне его императорского величества...

О своей унылой участи молодая жена непрестанно размышляла во время двухмесячных пиров и торжеств, которыми щедрый дядюшка отмечал столь выгодный брак племянницы. Так

---

¹ Острием посоха.

что старинное русское выражение «пропили девку» пришлось по отношению к Аннушке в самую пору. А еще говорят: «Что русскому здорово, то немцу смерть». Курляндский герцог – он ведь и был немчик... Не обманули Анну мрачные предчувствия: молодой муж не вынес русского хлебосольтва и винопития, да вдобавок простудился на сквозняках, которые так и пронизывали красиво поставленные, но дурно, спешно сбитые петербургские дворцы, строенные нарочно ради свадебных торжеств.

Герцог занемог 3 января 1711 года, но 9-го, даром что хворый, все же пустился с Анною в Митаву. Далеко, впрочем, не уехали: в сорока верстах от Петербурга, в Дудегофе, молодая жена сделалась молодой вдовой. Так что ее супружество всего два месяца и длилось. Она даже забрюхатеть за это время не успела. Строго говоря, она едва сподобилась разобрать, чем мужчина от женщины отличается! Муж навестил ее трижды. От первого раза не осталось ничего, кроме болезненных воспоминаний и пятен крови на простыне, которые мужа обрадовали, а дядюшку Петра Алексеевича отчего-то изумили.

– Да неужто ты еще запечатанная была, Анька? – хохотнул он, сверкая своими круглыми кошачьими глазами (ежели, конечно, бывают коты черноглазые). – Ну и дура, сколько времени потеряла! Теперь давай, гони, наверстывай!

Анна и рада бы навестать, да, как говорится, кто даст?! После второй ночи с мужем она ощутила любопытство. После третьей – любопытство еще большее, переходящее к тому же в некую приятность, которая, впрочем, тут же и иссякла, ибо супруг Аннушке попался из тех, кто имеет орудие скорострельное, да к тому ж сталь сего орудия была закалена явно недостаточно... И вот теперь у нее не осталось даже этого! Она теперь вдова!

Может, другая женщина, оказавшись в таком положении, напялила бы на себя траур или вовсе клобуком покрылась, но Аннушка только плечами пожимала, когда окружающие намекали, что надобно бы скорбеть по усопшему поусердней. Она не была обучена и живому-то верность хранить, не то что мертвому! За примерами далеко ходить не приходилось. Матушка, царица Прасковья Федоровна Салтыкова, чуть ли не насилкою выданная за косноязычного, цинготного, главою скорбного, немощного духовно и телесно царя Ивана Алексеевича, днем хоть и хаживала с ним вместе на богослужения да на парадные выходы, ночи проводила в гораздо более приятном обществе своего спальника, Василия Алексеевича Юшкова. Анна довольно рано была осведомлена, кто истинный отец и ее, и сестер Марии, Феодосии, Екатерины и Прасковьи! И коли матушка при живом муже не терялась, Анна при мертвом решила не теряться тоже.

В неведомую Митаву ехать ей страсть как не хотелось. Она и не поехала: взяла да вернулась с дороги в Петербург – к маменьке. Впрочем, в ее доме, переполненном приживалками, богомолицами, каликами переходжими и юродивыми, Анна не больно-то засиживалась, хоть весь этот стонущий, причудливый, неряшливый, болтливый мир ей был привычен и дорог с детства. В то время в столице полным ходом шла подготовка к свадьбе императора, который надумал наконец-то сделать бывшую полковую шлюху (тс-с!) Марту Скавронскую, сиречь ныне Екатерину Алексеевну, порядочной женщиной.

Анна была дружна со старшей дочерью государя, своей кузиной и тезкой. Была еще одна кузина, Елисаветка, но ее Анна не жаловала: больно востра, заносчива, насмешлива, вдобавок рыжая, а ведь каждому известно: рыжий-красный – человек опасный! Ну и красавица, черт ее дер! Тезка-царевна тоже была красавица, однако нравилась Анне тем, что не заносилась, а еще – была притвора необыкновенная. Ее все считали этакой скромняшкой-недотрогой, а между тем она была девка-огонь! Истинная дочь своих отца-матери! Сговоренная за герцога Голштинского, царевна иной раз настолько обижалась на жениха за холодность и за то явное предпочтение, которое он оказывал Елисаветке, что готова была на все, лишь бы ему досадить. Такое положение дел маменьке Екатерине не нравилось, она попрекала дочь и называла распутницей.

– Не ей меня учить! – сердито восклицала царевна перед двоюродной сестрицей Анной. – Сама-то какова? О ней весь свет судит-рядит! А вот если я захочу запретного яблочка откусать, об сем никто знать не будет!

При этих словах огонек, тлеющий в заветном, потайном местечке у молоденькой вдовушки, герцогини Курляндской, разгорался истинным пожаром. Ее, растревоженную, но не удовлетворенную мужем, уж сколько времени мучили искусительные сновидения. И вот теперь, по милости дорогой подружки, им суждено было воплотиться в явь...

Не раз и не два ускользали кузины, царевна да герцогиня, из дворца боковыми коридорчиками, потайными дверками, переменяя платья и закрыв лица, чтобы никто из стражи, сохрани Боже, их не узнал. Им везло: удавалось добираться до некоего тайного дома незамеченными, ну а там ждали кавалеры, которые отличались редкостным немногословием: исключительно жестами и телодвижениями давали дамам понять, чего от них желают. Желание сие было обоюдоострым. Впрочем, среди этих случайных кавалеров попадались и люди вполне светские. Таковыми оказались и три новых любовника вновь испеченной императрицы: красавчик-швед Рейнгольд-Густав Лёвенвольде и его брат Карл-Густав (от Екатерины они получили графские титулы, а благодаря Анне Рейнгольд сделался резидентом, сиречь посланником Курляндии в России), граф Петр Сапега – тот самый безвольный обаяшка, который был сначала женихом злосчастной Марии Меншиковой, но которого, словно куклу, отняла у нее Екатерина и заботливо уложила в свою постель. Ее, впрочем, понять можно: некогда Сапегы были теми самыми господами, у которых служила Марта Скавронская, теперь она непременно желала им показать, кто кому истинный господин и хозяин. Но Сапега не брезгал ни царями-прачками, ни герцогинями царского рода. Доступ к нижним юбкам владычицы Курляндской получил также Антон Девиер: шурин Алексашки Меншикова, всесильного временщика и фаворита Петра и Екатерины.

Надо сказать, когда пронесся смутный слух об увлечении Анны Девиером, это сильно испортило ее отношения с Алексашкой, ибо он шурина своего всю жизнь ненавидел. Он был выдвинутый Петром и вознесенный до поста петербургского генерал-губернатора крещеный португальский еврей, попавший в родню к всемогущему Алексашке после того, как стал любовником его сестры. И ненависть Меншикова распространялась на всех, кто имел к Девиеру то или иное касательство.

Впрочем, дочь царя Ивана Алексеевича высокомерно презирала бывшего торговца пирогами с зайчатиной (или плотника, или кем он там был на самом деле, этот выскочка Алексашка?!), и на его мнение ей было на-пле-вать. И дальнейшие события покажут, что она поступала совершенно правильно, манкируя Меншиковым и уделяя посильное внимание другим фаворитам императрицы. Не раз впоследствии похвалят себя за дальновидность и они, особенно – сероглазый Рейнгольд...

Ну, короче говоря и говоря короче, когда вскоре после свадебных торжеств Анна Иоанновна по категорическому приказу императора (Петр волновался, что Курляндия столь долго остается бесхозною) окончательно и бесповоротно отбыла в свое захолустное герцогство, она была уже далеко-о не той простушкой, что прежде. Она отлично преуспела в науке получать от мужчины все, что нужно, – и платить ему той же монетой! Впрочем, каким бы двусмысленным ни было ее происхождение, как ни снедали ее тайные плотские желания, какие бы губительные примеры ни подавал ей петербургский двор, весьма напоминающий публичный дом (кстати, и английский, и французский, и саксонский, и польский, да и все прочие дворы были в ту пору отнюдь не нравственней!), какой длинный список любовников ни числился бы за нею, все же Анна по сути своей не являлась распутницей. В глубине души она была добропорядочной бабенкой. Не без стыда осознавала она свое межумочное положение и очень хотела вновь выйти замуж. Но пока было не за кого, и ей приходилось гасить свой пожар с помощью кого ни попадя.

«Кем ни попадя» оказался прежде всего гофмейстер ее двора Петр Михайлович Бестужев-Рюмин. Да-да, у Анны в Митаве мигом образовался свой двор, и совсем даже не маленький! Даром что жила она вовсе даже не во дворце. Ей был выделен для жительства немеблированный дом и содержание в 12 680 золотых. Анна боялась роптать: а вдруг дядюшка Петр Алексеевич обидится на ее пени и не станет искать ей нового супруга, как обещал? И Анна терпела, хотя даже из этих невеликих денег ей доставалось жалких 426 монет. Остальные же 12 254 золотых шли на содержание дома, конюшен, батальона драгун и на стол. За все траты Бестужев строжайшим образом отчитывался перед Петром... до тех пор, пока Анна не привела его в свою постель.

Она была уверена, что убивает одним выстрелом двух зайцев: получает усердного любовника и освобождается от мелочной опеки. Ну что ж, в стрельбе Анна уже и тогда разбиралась куда лучше, чем в людях! Правда, оказалось, что как любовник Бестужев стоил примерно столько же, сколько покойный Фридрих-Вильгельм Курляндский. А что касается мелочной опеки... Нет, грех жаловаться: Бестужев больше не стоял над душой у Анны, контролируя каждый грош. Но он моментально свыкся с новыми возможностями и беззастенчиво запускал руку не только под юбки герцогини Курляндской, но и в ее кошелек. Петр больше не получал правдивых отчетов от Бестужева не потому, что тот прикрывал траты Анны. Этот плут прикрывал собственные траты, беззастенчиво грабя доверчивую любовницу! Его настояниями двор был еще больше расширен: гофмейстер и гофмейстерина, камергер и три камер-юнкера, шталмейстер и провиантмейстер, гоф-дама и две фрейлины, и еще какие-то придворные, переводчики, лакеи, секретари, да еще особый посланник в Москве – Корф с его содержанием в три тысячи рублей! Причем такая толпа вовсе не казалась Анне чрезмерной и никчемной. Она с детства привыкла видеть вокруг себя никчемные толпы дармоедов, призванных лизоблюдовать перед своими благодетелями и подбирать крохи с их стола.

Увы, с ее стола и впрямь можно было подобрать только жалкие крохи...

Герцогиня Курляндская слезно молила русского государя об улучшении своего положения. Писала и новой императрице: заклинала призреть ее, вдову, сироту, помочь ей деньгами. Шли письма и к Анне, спутнице в ночных похождениях, и к Елисаветке. Но старшая дочь Петра до сих пор не знала, выйдет ли она замуж за своего голштинца: понятно, ей было не до кухни. Та и не особенно обижалась. А вот пренебрежительное, высокомерное (так ей чудилось) молчание Елисаветки показалось Анне Иоанновне смертельно оскорбительным. Отчего-то она была убеждена, что Елисаветка не отвечает нарочно, и думала с бессильной злобой: «Ну, погоди! Попросишь *ты* у меня когда-нибудь...»

Потом, спустя два десятка лет, она с наслаждением исполнит свои угрозы...

Но пока что на дворе стоял 1725 год. Петр Первый умер, и Анна пролиwała горячие слезы не только и не столько потому, что обожала дядюшку. Было б там что обожать-то! Это с сестрой Катькой у него были *особенно нежные* отношения, а к Анне он относился прохладно. Взаимно, кстати сказать! Однако Анна испугалась, что отныне уж точно не будет никому нужна и никто не станет заботиться об устройстве ее судьбы. Ох, как она теперь жалела, что не сладилось сватовство Иоганна-Адольфа, герцога Саксен-Вейсенфельского, и Карла, принца Прусского, и еще каких-то четырех германских принцев, отвергнутых Петром так стремительно, что невеста даже их имена не успела запомнить... Неужели так и вековать ей горькой вдовицею?!

Анна ошибалась. Именно теперь, когда тяжелая десница русского государя уже не довлела над Курляндией, герцогство вновь привлекло к себе жадное внимание что Польши, что Саксонии. Завладеть Курляндией можно было, только женившись на Анне Иоанновне, и саксонский посланник Лефорт, человек необычайного ума и пронырливости, сообразил, что наиболее подходящей кандидатурой может сделаться именно сын короля Августа. Не из-за своего высокого происхождения (Мориц Саксонский был хоть и сын короля, но все же побочный сын), а из-за его редкостного мужского обаяния, устоять перед которым не могла ни одна

женщина. И красоту, и умение очаровывать он унаследовал от матери: ею была одна из знаменитейших красавиц Европы, графиня Мария-Аврора фон Кенингсмарк. Сына она назвала Морицем в память о первых, незабываемых днях их любви с курфюрстом Августом Сильным (он двумя пальцами мог поднять с земли громоздкое и тяжелое солдатское ружье и одним взмахом рубил голову быку) в его охотничьем замке Морицбург. О, любовь короля и Авроры – это была очаровательная история! Довольно сказать, что первым подарком Августа возлюбленной был букет из чистого золота, с цветами из рубинов, жемчугов, сапфиров, с изумрудными листьями...

Итак, наследственность у Морица была какая надо, и неудивительно, что любовные похождения сына оставляли далеко позади родительские. Он прожигал жизнь то в Париже, то в Дрездене, то в Варшаве, играл на деньги, которые щедро ссужали ему богатейшие красавицы (и они еще соперничали между собой, наперебой открывая перед Морицем свои кошельки!), однако – сын своего отца! – понимал, что мужчина должен уметь не только юбки задираť красоткам. Он пожелал отличиться на военном поприще. Женившись по расчету на богатой, хотя и не слишком хорошенькой, Виктории фон Лебен, Мориц купил звание полковника, получил в свое распоряжение пехотный немецкий полк, находившийся на службе во Франции, и очень скоро стало ясно, что граф Саксонский вполне может претендовать на звание одного из блистательных полководцев своего времени. Теперь даже те дамы, которые доселе держали свои крепости взаперти, наперебой отворяли ворота перед блестящим офицером и буквально из корсетов выскакивали, чтобы ему угодить. Одна из таких дам была агентом Лефорта. Проезжая через Митава, она словно невзначай завела разговор о Морице с тоскующей вдовушкой.

Мориц к этому времени развелся с Викторией и был вновь свободен.

С первого слова Анна Иоанновна насторожилась, со второго заволновалась, с третьего влюбилась, с четвертого поняла, что вся жизнь ее была лишь подготовкой к сладостному будущему: супружеству с несусветным красавцем и храбрецом, двадцатидевятилетним Морицем Саксонским. Пятого слова «свахе» она не дала вымолвить: пятым словом было ее, герцогини, оглушительное: «Да-а-а!!!»

Мориц получил известие, что Митава готова безоговорочно капитулировать, и только собрался учинить смотр побежденному гарнизону, как на его пути возник очередной соблазн. Лефорт пожелал войти в милость к вдовствующей императрице Екатерине Алексеевне, которая именно в это время искала подходящего мужа для своей младшей дочери Елисавет: девицы красивой, умной, обворожительной, но расцветающей чрезмерно быстро. Чтобы девка не натворила бед, ее срочно надо было пристроить замуж. Почему бы не за Морица Саксонского? Лефорт произвел крутой вольт² и отправил Морицу завлекательное послание насчет Елисавет, описывая ее хорошо сложенной, прекрасного среднего роста, с очень милым круглым личиком, с искрящимися глазами и нежной шейкой. К сему Лефорт присовокупил, что Елисавет уже без ума от Морица (справедливо рассудив, что иначе просто быть не может!), страстно жаждет сделаться его женой, а, как поэтично выразился саксонский резидент, «желания русской женщины достаточно, чтобы разрушить город!».

Когда Анна узнала, что Елисаветка стала ее соперницей, нелюбовь к двоюродной сестре обратилась в истинную ненависть. А как известно, всякая ненависть может быть примирима, кроме ненависти женщины безобразной – к красавице. О, еще не раз заплатит бедная Елисавет за свою редкостную красоту и прелесть завистливой и ревнивой кузине!..

Впрочем, обе дамы ошибались насчет Морица. Он вовсе не был вульгарным и глупым потаскуном. Конечно, он с благосклонной улыбкой прочел послание Лефорта. Для него женская красота имела огромное значение, и мысль заменить некрасивую герцогиню красивой царевной показалась весьма приманчивой. Но, кроме красоты, у Елисавет не было ничего.

---

² Поворот.

Некрасивая же Анна владела Митавой. Титул герцога Курляндского казался Морицу куда более звучным, чем собственный. Поэтому граф Саксонский послал нежный вздох в сторону Петербурга – и продолжал готовиться к поездке в Митаву.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.